

✎ МАРДЖЕРИ ✎
АЛЛИНГЕМ

Марджери Аллингем (1904–1966) справедливо называют одной из «четырех королей» золотого века английского детектива наравне с Агатой Кристи, Дороти Л. Сэйерс и Найо Марш. Главный герой большинства ее романов – эксцентричный частный детектив Альберт Кэмптон. Книга Марджери Аллингем «Работа для гробовщика» включена в список Генри Китинга «100 лучших романов детективного жанра». По ее произведениям до сих пор снимают сериалы и фильмы.

☞ MARGERY ☞
ALLINGHAM

.....

FLOWERS
FOR THE JUDGE

.....

МАРДЖЕРИ

АЛЛИНГЕМ

.....

ЦВЕТЫ ДЛЯ СУДЬИ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
А50

Серия «Золотой век английского детектива»

Margery Allingham

FLOWERS FOR THE JUDGE

Перевод с английского *Т. Борисовой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Половцева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop Ltd
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Аллингем, Марджери.

А50 Цветы для судьи : [роман] / Марджери Аллингем ; [пер. с англ. Т. Борисовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-095681-4

Пол Бранд, один из совладельцев крупного лондонского издательства, найден убитым. Полиция подозревает в совершении преступления Майкла, кузена Пола, влюбленного в его жену. Однако старый друг семьи Альберт Кэмпбелл считает, что причины трагедии следует искать в таинственном исчезновении еще одного из совладельцев издательства, Тома Барнабаса. Он пропал двадцать лет назад, и полиции так и не удалось найти его...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Margery Allingham, 1936
Школа перевода В. Баканова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-095681-4

*Книга с уважением посвящается
моим издателям*

Никто из героев повествования не списан с реальных людей, а изложенные в нем события никогда не происходили.

Примечание

В уголовном суде свидетели обычно не присутствуют в зале во время слушания, предшествующего их собственным показаниям, однако в деле Корона против Веджвуда в тысяча девятьсот тридцать первом году это правило было нарушено.

Глава 1

ОТСЫРЕЛЫЙ ДИНАМИТ

Историю обычного человека — то ли биржевого маклера, то ли торговца чаем, — который однажды солнечным утром вышел из своего пригородного дома и, подобно серому дымку в безоблачном небе, растаял в воздухе, припомнит чуть ли не каждый житель Большого Лондона начала века.

Обстоятельства разнятся. Иногда несчастного видела любопытная леди из дома номер десять, а инвалид, сидящий у окна двенадцатого дома, уже не видел; вдобавок тут же находили письмо, которое пропавший хотел опустить в почтовый ящик, — оно сиротливо лежало на тротуаре между упомянутыми домами. Иногда дело происходило на улице, по обеим сторонам которой шли высокие стены: в одном ее конце поджидал молочник, в другом на пороге собственного коттеджа стояла жена незадачливого джентльмена. В этой версии жену целовали у садовых ворот, махали ей с середины нелепо огороженной улицы, а молочник не встречал своего клиента ни в то утро, ни после.

В каждом случае косвенные улики не совпадали. Объединяло истории лишь главное событие да ка-

кой-то неприятный осадок. Человек исчезал; были основания полагать, что исчезал необычным способом. И, само собой, не возвращался.

Многие утверждали, будто один их знакомый живет по соседству с героем или жертвой истории, а вот старинная фирма «Барнабас и партнеры», с тысяча восемьсот десятого года владеющая издательством «Золотой колчан», таких разговоров не вела никогда, потому что тот самый «обычный человек» был их младшим партнером. Майским утром тысяча девятьсот одиннадцатого года он вежливо пожелал доброго утра своей экономке, шагнул с порога дома в Стритэмский тупичок, свернул на широкую пригородную улицу и вместо того, чтобы миновать табачную лавку на углу, растаял в воздухе — ловко и ненавязчиво, подобно дождевой капле в пруду.

В тупике улицы Джокис-Филд в роскошном особняке стиля королевы Анны, украшенном вывеской «Золотой колчан», это событие вызвало немалый переполох; однако, когда стало ясно, что книги счетов в порядке, а мистер Джон Уидоусон, другой партнер, вполне способен вести дела дальше, пока его кузен пребывает то ли в распыленном состоянии, то ли в четвертом измерении, — тогда врожденный консерватизм фирмы взял верх, и о неприятном происшествии скромно позабыли.

Конечно, спустя пресловутые девять дней любой шок вполне способен превратиться в недоуменный смех, а через двадцать лет он запросто оставляет после себя лишь неловкие воспоминания, но все же странное исчезновение Тома Барнабаса в девятьсот

одиннадцатом создало на фирме своего рода прецедент, и потому когда в тысяча девятьсот тридцать первом Пол Р. Бранд, один из управляющих, пару дней нигде не объявлялся, то по удивительной, парадоксальной прихоти человеческого разума никого это особо не встревожило.

В квартире на верхнем этаже, на диване перед камином в своей просторной гостиной сидела Джина Бранд. «Цеховое чаепитие» было в разгаре. Это мероприятие стало для Барнабасов традицией. Зимними воскресными вечерами кузены и мисс Керли собирались, чтобы попить чаю и досконально изучить сегодняшние газеты. Иногда компанию им составляли посторонние: какой-нибудь выдающийся автор, или заезжий американец, или, в редких случаях, пожилой Калдекотт, патриарх литературных агентов, знавший самого Старика.

Когда Пол привез Джину из Нью-Йорка и фирма отошла от потрясения — надо же, в семье теперь есть женщина, к тому же иностранка! — Джина решила предоставить традиционному чаепитию камин и угощение, избавив от этой обязанности старенькую экономку Джона. Встречи переехали сюда, этажом выше. Это было очень характерно для двух управляющих: они с радостью арендовали здание, соседнее с конторой; за немалые деньги превратили непригодные помещения в три квартиры и поселились на задворках Холборна, оба уверенные, что не должны мечтать о большем.

Джон Уидоусон — старший управляющий, старший кузен и сын старшей сестры Старика — занял, как подобало его положению, центральную кварти-

ру, хотя по размеру она больше бы подошла Полу с Джинной, размещенных этажом выше.

Нижний — полуподвальный — этаж более-менее пришелся по вкусу Майку Веджвуду, младшему кузену и младшему управляющему. «Барнабас и партнеры» поступали так в святой уверенности, что мелкие неудобства идут на пользу достоинству и репутации фирмы.

Чаепитие подходило к концу, а о Поле до сих пор никто так и не спросил. Похоже, все считали, что без его нравоучений встреча проходит гораздо спокойней.

Джина сидела на большом, нарочито изогнутом белом диване с изысканной спинкой, обильно украшенной пуговицами. На фоне этого сдержанного собрания хозяйка дома, как всегда, выглядела эксцентрично, прелестно и оригинально.

Когда декоратор Павлов называл ее молодой Бернар, он не слишком грешил против истины. Изящная фигура, миниатюрные ручки и ножки, длинная современная шея Джинны потерялись бы в корсетах и безвкусных оборках восьмидесятых. Лицо тоже было современным: широкий рот, миндалевидные серые глаза. Простоту маленького прямого носа компенсировала новомодная прическа, творение Лалле: темно-каштановые локоны собраны наверх и уложены надо лбом, едва уловимо напоминая пышные шиньоны прошлого века.

На Джине было платье собственного дизайна. Фирма, точнее, Джон Уидоусон от лица фирмы не одобрял желание супруги кузена продолжить в Англии свою карьеру, и миссис Бранд теперь приду-

мывала наряды только для себя — и иногда для Павлова.

Узкое платье из густого шелка, темно-зеленого с черным, подчеркивало ее чужеродность и необычный, оригинальный шик. Джина явно скучала: еженедельная обличительная речь Джона в адрес фирмы Чезанта, который наводнил книжный рынок третье-, четверо-, пятисортными романами и самодовольно хвастал огромными тиражами, — эта речь сегодня затянулась.

Керли сидела в углу у камина: пухлые руки сложены на коленях, взгляд бледно-голубых глаз за стеклами очков спокоен и задумчив.

В комнате, безусловно, не было человека, который выглядел бы менее изысканно, чем мисс Флоренс Керли. Седые волосы зачесаны кое-как; черное бархатное платье — из разряда тех, что за баснословные деньги продают миллионам неразборчивых покупательниц, — ужасно скроено и аляповато украшено; туфли модные, но неудобные; и вдобавок ко всему — три кольца, явно еще материнские. Но Керли — это фирма. Даже Джон, временами бросавший на мисс Керли взгляд, искренне надеялся, что она его переживет.

Давным-давно — в те дни, когда даму-машинистку еще считали смелым новшеством, — Флоренс Керли была секретарем Старика. Она, верная живучей женской традиции преданно служить доминирующему мужчине, вверила себя фирме «Барнабас», словно возлюбленному. Тридцать лет мисс Керли любила предприятие, как сына и хозяина одновременно. Знала о его делах больше, чем все книги

счетов, понимала трудности и дорожила победами с одержимостью первой няньки. В конторе она олицетворяла великодушный всезнающий ум, один из главных капиталов фирмы. За стенами конторы мисс Керли вызывала страх и почтение, иногда — негодование. При этом выглядела глуповатой незаметной старушкой, которая тихонько сидит у камина.

В комнате было очень тепло.

— Мне, пожалуй, пора, Джина. — Джон встал. — Тус в своей новой книге такого наворотил! Хочу довести ее до ума. Я вызвал его на завтра.

Приглашая автора для беседы, Джон всегда говорил «я вызвал его» — это была коронная фраза Старика.

Мисс Керли шевельнулась.

— Мистер Тус очень самонадеянный юноша, мистер Уидоусон, — рискнула высказаться она. И непонятно зачем добавила: — На прошлой неделе я видела, как он обедает с Филлипсом из «Денверса». Они, наверное, вместе учились.

Джон, уловивший направление ее мыслей, помедлил.

— Книга и правда не так хороша, как первая, — виновато сказал он.

— Да, не хороша, — согласно кивнула мисс Керли. — Со вторыми книгами вечно так, правда? И все же что-то в нем есть. Я бы не хотела, чтобы он от нас ушел. Не люблю «Денверс».

— О да, — скупо отозвался Джон и добавил: — Я над ней поработаю.

Он пошел к двери — представительный, интересный мужчина: высокая стройная фигура, сухо-

ватое желтое лицо, коротко стриженные седые волосы.

На пороге помедлил, взглянул на хозяйку дома.

— А где Пол? Не знаешь, Джина? С четверга его не видел. Опять в Париж улетел?

Возникла неловкая пауза, Керли невольно заулыбалась. Пол — нахрапистый, хвастливый, энергичный — часто выводил из себя кузенов, но ее забавлял. Джон впервые открыто упомянул дело с биографией Турлетта, и все в комнате мысленно вновь услышали страстный неубедительный голос Пола, перекрывающий шум сентябрьского коктейльного приема.

— Скажу вам, мой дорогой друг, я был так взволнован, так раздавлен, что тут же поспешил в Кройдон и сел на самолет. Даже не сообразил захватить чемодан или сообщить Джине — просто рванул туда и купил эту книгу!

То обстоятельство, что биография Турлетта вызвала одинаковые отклики и у британских, и у американских читателей — средненькая проба пера в жанре свободного стиха, не более, — и что сделка стоила Барнабасам примерно пятьсот фунтов, вполне объясняло ядовитое замечание Джона.

Джина ожила. Прежде чем ответить, она с грациозной неторопливостью повернула голову.

— Не знаю где. Дома он с четверга не появлялся.

В спокойном голосе с неожиданным новоанглийским акцентом не было смущения или негодования — ни вопросом, ни самим фактом отсутствия мужа.

— Понятно. — Джон тоже не выглядел удивленным. — Если сегодня придет, попроси заглянуть ко

мне. Я буду читать допоздна. Мне доставили весьма примечательное письмо от миссис Картер. Хорошо бы Пол отучился петь дифирамбы авторам. А то они потом негодуют, если книга не идет нарасхват.

Его голос затих на скорбной ноте уже за дверью.

Ричи захохотал — сухое отрывистое кудахтанье, на которое никто не обратил ни малейшего внимания. Он сидел в стороне, в тени, откинувшись на спинку кресла: тихая, унылая или, на чей-нибудь сентиментальный взгляд, трогательная фигура.

Ричард Барнабас, брат растаявшего в воздухе Тома, единственный из кузенов не получил по завещанию Старика доли в деле. Разумеется, в тысяча девятьсот восьмом он был моложе, но не так молод, как малыш Майк или подросток Пол, и ненамного моложе самого Джона. Объяснений этой загадки у Ричи никогда не спрашивали, однако условие завещания, которое предписывало благодетельствованным кузенам «приглядывать» за Ричардом Барнабасом, проливало некоторый свет на мнение Старика о племяннике.

Они исполнили это предписание типичным для фирмы, да и, возможно, для издательства в целом, способом: выделили Ричи кабинетик наверху, достойное жалованье и звание «чтец». Он делил свои обязанности с двумя-тремя десятками клириков, незамужних девиц и неимущих преподавателей, разбросанных по всей стране, но имел при этом официальную должность и жил в мире потрепанных рукописей, по которым составлял длинные заумные отчеты.

Словно худое пыльное привидение, его часто видели на ступенях конторы, в холле или в хитроспле-